

*Е.А. Кузьмина
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Библейская книжная справа XVI–XVII вв.: итоги и перспективы исследования¹

*E.A. Kuzminova
Lomonosov Moscow State University*

The Bible Book Correction of the 16th–17th centuries: Results and Prospects of the Study

1. Первые полные печатные своды библейских книг на церковнославянском языке – Острожская Библия 1581 г. (далее **ОБ**) и Московская Библия 1663 г. (далее **МБ**) – основательно изучены с книговедческой и искусствоведческой точек зрения. Однако слабая изученность этих библейских кодексов в лингвистическом отношении, не соответствующая их статусу языкового образца и носителя языковой нормы, обусловила отсутствие адекватной научной интерпретации **ОБ** и **МБ** в истории славянской библейской традиции и истории книжной справа.

В рамках разработанной нами модели анализа направлений библейской справа [Кузьмина 2004; Кузьмина 2017] были подвергнуты пересмотру следующие положения о **ОБ** и **МБ**, которые необоснованно господствовали в науке на протяжении двух последних столетий. Во-пер-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00224.

вых, с первой половины XIX в. в славистике бытует устойчивое представление, согласно которому при подготовке к изданию **ОБ** объектом книжной справки текста-источника – рукописной Геннадиевской Библии 1499 г. (ГИМ Син. 915) (далее **ГБ**) – были преимущественно ветхозаветные книги, переведенные для **ГБ** с Вульгаты [Алексеев 1999: 205–206]. Тогда как работа острожской библейской комиссии над Четвероевангелием, представленном в Афонской редакции XIV в., заключалась лишь в «аккуратном копировании» исходного текста **ГБ** [Алексеев 1999: 214]. Во-вторых, остается безусловно доминирующим и высказанное впервые в начале XIX в. Йосефом Добровским [Dobrowsky 1822: LII–LIII] мнение о том, что **МБ** является буквальной «перепечаткой», «переизданием» **ОБ** на Московском Печатном дворе [Астафьев 1889: 71; Чистович 1899: 13–14; Евсеев 1916: 112; Алексеев 1999: 216 и др.].

2. Создатели рукописной **ГБ** решали прежде всего задачу «*простой фиксации*» [выделено нами. – *Е.К.*] наличного актуального текста Священного писания в церковнославянском переводе» [Иннокентий, 2001: 43], а не его *языковой нормализации*. В результате язык **ГБ**, представляющей собой «довольно пестрое наложение разновременных переводов» [Евсеев 1916: 21], отличается «эkleктизмом» [Евсеев 1916: 11] и «неровностью» [Foster 2001: 31]. Книгопечатание как новая форма копирования и размножения текста предъявляло особые требования к стандартизации и унификации языка, поэтому при издании библейского кодекса в Остроге на первый план была выдвинута задача именно *языковой нормализации*.

Идея правильности языка, на достижение которой была направлена филологическая работа острожских редакторов, предполагала устранение языковых «*ра́зньствѣй*» (л. III), по определению Константина Острожского, т. е.

немотивированной вариативности. Тенденция к последовательной унификации, ограничивающей заданную в **ГБ** вариативность языковых элементов, является основной тенденцией внесенных ими исправлений как на графико-орфографическом, так и грамматическом уровнях [Кузьмина 2004; Кузьмина 2019]. Существенно, что унифицирующая справа была проведена на всем пространстве библейского текста, включая Четвероевангелие (**ГБ** – л. 684–771; **ОБ** – л. 1–56 четвертой фолиации), язык которого был подвергнут множественным исправлениям системного и регулярного характера.

В результате программной языковой редакции, отражающей критическое отношение острожцев к лингвистическому поведению писца Четвероевангелия **ГБ**, в **ОБ** были существенно изменены параметры графико-орфографической системы текста-источника. Так, если в **ГБ** по отношению к дублетным буквам (**оу** / **Ѹ**, **ѡ** / **Ѡ**, **и** / **ї**, **ѡ** / **Ѣ**) в большинстве позиций были реализован принцип вариативности, то в **ОБ** действуют строгие правила их дистрибуции. В частности, для писца евангельского текста **ГБ** нормативным являлось употребление графем **оу** и **Ѹ** как вариантов в позиции после согласных (с количественным преобладанием диграфа: **оу** – 4160, **Ѹ** – 1559). Варьирование **оу** и **Ѹ** допускается и в остальных позициях: после гласных, в абсолютном начале слова, в предлоге **у**, однако написания **Ѹ** здесь сравнительно редки (ср. в абсолютном начале слова **оу** – 1169, **Ѹ** – 48). Преодолевая вариативность, острожские редакторы вносят исправления, направленные на дистрибуцию **оу** и **Ѹ**: а) в позиции после согласных устраняют диграф, заменяя его лигатурой **оу** → **Ѹ**: **Ѡтоудоу** → **ѠтѸдѸ** [Мф 04:21], **соудѸ** → **сѸдѸ** [Мк 03:29], **боудоутъ** → **бѸдѸтъ** [Ин 12:42]; б) в позиции начала слова, в предлоге **Ѹ** и после гласных проводят обратную правку **Ѹ** → **оу**: **ѸжасаахѸ**

сѧ → оѹжасѧхѹ сѧ [Мк 06:51], ѹ наѣ → оѹ насѣ [Лк 09:13], заѹтра → заоѹтра [Ин 20:01]. Тем самым в ОБ получает воплощение следующее правило распределения графем оѹ и ѹ: оѹ – в абсолютном начала слова, в предлоге у и после гласных, ѹ – в позиции после согласных.

Правка, нейтрализующая вариативность, видоизменяет и остальные зоны графико-орфографической системы евангельского текста ГБ, особенности которых определялись отражением признаков второго южнославянского влияния. Так, написания с ѣ после букв твердых согласных, обусловленные следованием южнославянской традиции, встречаются в ГБ в три раза чаще, чем написания с ѣ, ср. -кѣ, -гѣ, -хѣ – 1029 примеров // -къ, -гъ, -хъ – 343: Ѡ кнѣжнѣ [Лк 09:22] // Ѡ кнѣжнѣ [Мк 07:01], нагѣ [Ин 21:07] // нагѣ [Мф 25:36], женихѣ [Мф 25:10] // женихѣ [Мф 09:15]. Результатом последовательных исправлений ѣ → ѣ стало утверждение в ОБ в качестве единственно нормативного написания с ѣ: Ѡ кнѣжнѣ → Ѡ кнѣжнѣ [Лк 09:22], нагѣ → нагѣ [Ин 21:07], женихѣ → женихѣ [Мф 25:10]. В отличие от писца ГБ, оформляющего корни с рефлексам праславянских сочетаний *тъrt и *тъlt несколькими способами, ср. *тъrt: рѣ (23) // ор (19) – трѣжициѣ [Мф 11:16] // торжициѣ [Лк 07:32]; *тъlt: лѣ (42) // ол (66) // олѣ (7) // ѣлѣ (2) – длѣжника [Мф 18:24] // должникѣ [Лк 16:05] // долѣжника [Лк 07:41] // вѣлѣхѣ [Мф 02:16], для редакторов ОБ предпочтительным оказывается только один из вариантов – ор и лѣ соответственно: трѣжициѣ → торжициѣ [Мф 11:16], должникѣ → длѣжникѣ [Лк 16:05], долѣжника → длѣжника [Лк 07:41], вѣлѣхѣ → влѣхѣ [Мф 02:16].

По сравнению со значительной перестройкой графико-орфографической системы, объем справки на грамматическом уровне как на более стабильном был меньше в

количественном отношении, однако ее результаты не менее показательны. Острожские редакторы не ограничились *исправлением* допущенных *аграмматизмов* (что́ на́мъ ѿ тебѣ ꙗ́ко назаранине → ꙗ́ко [Мк 01:24], что́ хо́цете́ да сътворю́ вама → хо́цета [Мф 20:32], азь посла́ ѿхъ въ миръ → послахъ [Ин 17:18]) и устранением проникших в ГБ *локальных вариантов* (И.п. мн.ч. сущ. м.р. наро́дѣ → народи́ [Мф 04:25, 09:08], Д.п. ед.ч. м.р. прич. къ́ зва́шомоу → зва́шемъ [Лк 14:12], 3 л. ед. и мн.ч. без -тъ́ никто́же мо́же дѣлати → мо́жетъ [Ин 09:04]). В соответствии с собственными нормативными представлениями они осуществляют стандартизацию языка, сводя свободные варианты языковых единиц к одному. Так, они избавляются от варьирования стяженных и нестяженных форм имперфекта (330 // 503 примеров соответственно) и членных прилагательных и причастий (336 // 130), отказываясь от нестяженных форм в пользу стяженных: твора́ше [Ин 05:16] // твора́ше [Мк 06:20] → твора́ше, гла́хъ [Мф 26:05] // гла́хъ [Ин 07:41] → гла́хъ нѣ́наго [Мф 13:11] // нѣ́наго [Мф 18:10] → нѣ́наго, сѣ́шимъ [Мк 02:26] // сѣ́шимъ [Лк 06:04] → сѣ́шимъ, преодо́леваютъ разнобо́й флексий и формообразующих суффиксов в грамматических позициях И.п. мн.ч. существительных м.р. суффиксами -тель и -арь -ѣ // -и́ (12 // 3): дѣла́теле [Лк 20:10] // дѣла́тели [Мф 21:35] → дѣла́теле, мыта́ре [Мк 02:15] // мыта́ри [Лк 03:12] → мыта́ре, И.п. мн.ч. м.р. действительных причастий -ѣи // -и́и (77 // 18): вхо́дѣи [Лк 08:16] // вхо́дѣи [Лк 11:33] → вхо́дѣи, дв. и мн.ч. императива -и́ // -ѣ-: приве́дѣте [Мф 17:17] // приве́дите [Мк 09:19] → приве́дите и др.

Итак, справа евангельского текста в составе ОБ имела ярко выраженный языковой, а не текстологический характер. Исправления вносились не в результате приведения

одного текста в соответствие с другим, а были обусловлены нормативными представлениями справщиков, и именно поэтому они наиболее показательны для реконструкции этих представлений. Выработанная острожскими редакторами в ходе справки система норм, ставшая после выхода **ОБ** из печати «моделью-эталоном для языка канонических древнеславянских текстов позднего периода» [Толстой, 1963: 262], определила дальнейшую перспективу библейской справки на Московском Печатном дворе.

3. Результаты сопоставительного анализа языковых параметров **ОБ** и **МБ**, проведенного нами на основе сплошной выборки материала из Псалтыри, Евангелия от Марка и Евангелия от Иоанна (**МБ** л. 229–251 об., 416–423 об., 438–448; **ОБ** л. 1–29 второй фолиации, л. 17–26 об., 44–56 четвертой фолиации) позволили установить, что при подготовке **МБ** к печати филологическая работа никоновских справщиков, не сводилась к воспроизведению текста-источника **ОБ**, а представляла собой последовательную и целенаправленную книжную справку. Исследование всего объема регулярных и системных исправлений на орфографическом и грамматическом уровнях однозначно демонстрирует, что осуществленная на Московском Печатном дворе библейская справка имела грамматически мотивированный характер: она была направлена на приведение основных лингвистических параметров текста-источника **ОБ** в соответствие с системой норм московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. (М.: Печ. двор, 14.II.1648 [без имени автора]) (далее **ГМ**). Продолжая практику готовивших московское издание грамматики 1648 г. иосифовских справщиков, никоновские справщики – редакторы **МБ** – неукоснительно следуют предписаниям **ГМ**.

В частности, они демонстрируют приверженность тому способу реализации принципа антистиха, который был

утвержден в ГМ, где система использования графико-орфографических оппозиций для разграничения омонимичных форм, разработанная Мелетием Смотрицким, была подвергнута определенной трансформации (см. [Кузьмина 2011]). В соответствии с правилами ГМ редакторы МБ вносят правку, в результате которой на орфографическом уровне противопоставляются лексические омонимы ѦЗЫ́КЪ ‘часть тела, орган речи’ // ѦЗЫ́КЪ ‘народ’: ѦЗЫКОМЪ своѣмъ солгаша ѣмѹ → ѦЗЫКОМЪ [Пс 77:36] // вѹзмѹтъ мѣсто ѥ ѦЗЫ́КЪ нашъ → ѦЗЫ́КЪ [Ин 11:48]; расширяют сферу употребления ѡ и ѣ в плюральных формах, вводя их в качестве показателей множественности в именные и глагольные формы, которые не являются омонимичными формам единственного числа: словѣсъ → словѣсъ [Ин 14:24], болѣзнемъ → болѣзнемъ [Мк 13:08], плакахомъ → плакахомъ [Пс 136:1], видѣхѹ → видѣхѹмъ [Ин 03:11].

Объектом справки на грамматическом уровне были те формы текста-источника ОБ, которые противоречили формам, кофицированным в ГМ, как при тождественности нормативных предписаний первого и второго издания грамматики (ГМ = ГС), так и при их расхождении – в этом случае исправления редакторов МБ в точности соответствовали исправлениям, внесенным в парадигмы издателями ГМ (ГС → ГМ). Исправления первого рода затронули флексии действительных причастий в грамматических позициях И.п. мн.ч. м.р. -ѣи → -ѣи (родѣѣиѣ → родѣѣиѣ [Пс 77:6], видѣѣи → видѣѣи [Ин 09:40]) и В.п. мн.ч. м., ж.р. -аѣ → -ыѣ (знѣѣаѣ → знѣѣѣѣ [Пс 78:06], продаѣѣаѣ ѥ кѣпѣѣѣѣ → продаѣѣѣѣ ѥ кѣпѣѣѣѣ [Мк 11:15]), а также формы дательного приименного, которые были заменены формами родительного падежа (прѣѣ лицѣмъ вѣтрѣѣ → вѣтра [Пс. 82:14], храмъ мѣтвѣѣ → мѣтвы [Мк 11:17]). Исправлениям, продолжающим языковую практику ио-

сифовских справщиков, были подвергнуты многочислен-
ные формы именного склонения: М.п. мн.ч. сущ. м. и с.р.
-ѣхъ → -ѣхъ (вѣ всѣхъ ѿзыцѣхъ → ѿзыцѣхъ [Мк 13:10],
ѿ словесѣхъ → словесѣхъ [Пс 118:162]), Р.п. мн.ч. сущ. м. и
ж.р. -ѣи → -ѣи (дцѣрѣи → дцѣрѣи [Пс 105:38], ѿ людѣи → ѿ
людѣи [Пс 88:20]), Д.-М.п. ед.ч. сущ. ж.р., М.п. ед.ч. сущ.
м. и с.р. с исходом основы на -ѣ, -ѣи → -ѣ (на мѣтници →
на мѣтницѣ [Мк 02:14] рече црѣ двѣи → двѣицѣ [Мк
06:22], ѿ срѣи → ѿ срѣи [Пс 93:19]) и др.

Дальнейшее изучение филологических аспектов дея-
тельности библейских комиссий в Остроге и Москве пред-
полагает решение следующих задач. (1) Исследование на-
правлений sprawy Псалтыри в составе **ОБ**. Нуждается в
верификации устоявшееся в литературе мнение, согласно
которому работа острожских справщиков над Псалтырью,
представленной в тексте-источнике **ГБ** в кирилло-мефо-
диевском переводе, сводилась, как и в случае Четверое-
вангелия, к «аккуратному копированию». (2) Определение
степени и характера грамматических и графико-орфогра-
фических исправлений в других ветхозаветных книгах
МБ. Сопоставление по данным параметрам разных книг
в составе **МБ** позволит получить представление о ходе ра-
боты никоновских справщиков над библейским кодексом
в целом, о процессе формирования и утверждения линг-
вистических критериев, которыми они руководствовались.
(3) Выявление соотношения в лингвистическом аспекте
МБ и последующего опыта библейской sprawy под руко-
водством Епифания Славинецкого, реализованного в пере-
воде Нового Завета 1673–1674 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
Астафьев Н. Опыт истории Библии в России. СПб., 1889.

Евсеев И.Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.

Иннокентий (Павлов). Геннадиевская Библия 1499 г. как синтез библейских традиций // Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. М., 2001. С. 11–22.

Кузьмина Е.А. Острожская Библия: направления книжной sprawy новозаветных книг // Слово. Грамматика. Речь. Т. 6. М., 2004. С. 30–35.

Кузьмина Е.А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.

Кузьмина Е.А. Книжная справа // Православная энциклопедия. Т. XXXVI. М., 2014. С. 122–134.

Кузьмина Е.А. Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной sprawy второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017. № 5. С. 21–46.

Кузьмина Е.А. Острожская Библия // Православная энциклопедия. Т. LIII. М., 2019. С. 477–479.

Толстой Н.Т. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 230–272.

Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.

Dobrovsky J. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vin-dobonae, 1822. P. XVI–XXIII, LII–LIII.